

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Виталий РОДИОНОВ

**ЭТНОС PÜLER:
СТАНОВЛЕНИЕ
И РАСПАД**

Чебоксары
2026

УДК 39(470)
ББК 63.5(235)
Р 60

Рецензенты:

И.В. Софронова, кандидат филологических наук,
доцент ЧувГУ им. И.Н. Ульянова;
А.Ю. Березин, научный сотрудник археологического
направления ЧГИГН

Р 60 **Родионов В.Г.**

Этнос рӱлер: становление и распад. – Чебоксары: ЧГИГН, 2026. –
72 с.

ISBN 978–5–87677–304–3

Издание представляет собой как «Глава II. Булгарский этнокультурный дискурс в контексте Волго-Уральской историко-этнографической области» будущей монографии «Чувашская словесная культура в контексте этнической истории». Оно адресовано на специалистов по истории тюркоязычных этносов Волго-Уральского региона средневековья. Весьма полезно для любителей истории народов Волго-Уралья для выработки методологии научных этнологических разработок.

На обложке (стр. 1) изображена фотокопия эпиграфического памятника 1308 г., поставленного на могиле Алып Мунсуварского, святого ходжи четвёртого поколения.

ISBN 978–5–87677–304–3

УДК 39(470)
ББК 63.5(235)

© Родионов В.Г., 2026

БУЛГАРСКИЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС В КОНТЕКСТЕ ВОЛГО-УРАЛЬСКОЙ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ (IX–XIV ВЕКА)

Данная работа представляет из себя вторую главу будущей монографии автора. В ней нам пришлось более детально разбираться в отдельных вопросах, которые, на первый взгляд, кажутся уводящими автора за границы основной темы, но фактически, в чём не сомневаемся, являются необходимыми звеньями системного построения идейно-структурной конструкции нашей научной концепции, её философской скрепой. Этого требовала строгая последовательность решения целого круга научных проблем, прежде всего теоретико-методологического характера. Наш метод исследования условно можно назвать системно-комплексным подходом. Чувашская гуманитаристика, по нашему глубокому убеждению, обретёт свою целостность и системность лишь в том случае, если исследователи всех направлений этой области науки создадут по данной проблеме, образно выражаясь, единую самоорганизующую систему знаний. Этнокультурный дискурс любого этноса невозможно изучить без знания самой культуры и языка, истории этногенетических процессов, без изучения различных форм человеческой *самоидентификации* в древних и средневековых человеческих сообществах. Но объект исследования (сознание людей) относится к нематериальной сфере деятельности индивида и коллектива, поэтому его «опечатки» весьма сложно находить среди архивного и археологического материала. Весьма своеобразны письменные памятники, отражающие различные формы самоидентификации этносов, в том числе и волжских болгар. Хотя многие из них могут содержать определённую информацию об их поведении, реакции на те или иные события, но эти артефакты не равны историческим документам. Эти нарративы, как правило, весьма субъективны в плане аксиологических аспектов: они отражают картину мира, социальное положение и установку средневекового автора, чаще всего чужеземца. Поэтому исследователю подобного текста нелегко находить истинные «опечатки» самосознания самого этноса.

Наиболее наглядным, наиболее ярким маркером сознания является, как известно, самоназвание (эндоэтноним) того или иного этноса или этнической группы. Менее объективным определителем сознания служат названия человеческих сообществ, данные со стороны соседних

этносов. Эти экзоэтнонимы зачастую не совпадают с самоназваниями народов и отражают этнические процессы, проходившие, как правило, в другие эпохи. Например, удмурты знают современных казанских татар как *бигер*. Данный социальный термин существовал еще в древнетюркском мире (*beger* < *beg* «правитель, вождь, бек, князь» + *er* «муж, мужчина» [ДТС, 1969: 91]), соответственно, в Улусе Джучи, а потом в Ногайской Орде так называли князей. Этим сословным термином Золотой Орды первоначально выделяли золотоордынских князей, в том числе и бывших арских князей, переселившихся в бассейн р. Чепца (соседние удмурты их называли *би ир*). Язык и религия (кыпчакский язык, мусульманская религия) князей-переселенцев способствовали постепенному смещению семантики нового слова в удмуртском языке от первоначальной семантики в сторону локального экзоэтнонима всех татар-мусульман [Родионов, 2017б: 122–124]. В то же время луговые марийцы знали ясачное население в сторону Казани и Заказанья) как *суас*, *сүэс* (в русских источниках XVI в. – *чюваша*, *Арская чюваша*). Чуваши называли казанских татар *тудар* (среднениз. и низ.) и *тодар* (верх.), а горные марийцы – *тадар*. Кроме того, имеется история эволюции эндоэтнонима, в котором зачастую отражается специфика самоидентификации этноса. Все эти этнонимы указывают на многоэтапный и многокомпонентный этногенетический процесс современных казанских татар. Не менее сложным является и этногенетический процесс чувашского народа, к чему мы возвратимся несколько позже.

Следующим определителем сознания этноса необходимо считать менталитет, понимая его в значении «совокупность сознательных и бессознательных установок», сопряжённых с этнической традицией. К данному понятию С.В. Лурье приближает *этническую картину мира*, как особым образом структурированное представление о мироздании, характерное для членов того или иного этноса [Лурье, 2004: 59]. При этом исследователь менталитета (или этнической картины мира) конкретного народа должен изучать в контексте сознательных и бессознательных установок соседних этносов [Родионов, 2017б: 162–173]. В данной работе мы стремились представить картину мира глазами представителей этнического сообщества, которое идентифицировало себя эндоэтнонимом *пүлер*: «чув. *püler* “мифический былинный город”, исторически, по-видимому, одна из столиц Волжской Булгарии > тат. *bilär*. Название представляет собой старое сложение, соответствующее пратюрк. **biallyq* “город” (> чув. *pülä*, в остальных языках формы типа *balyq*) и **or* “ров, укрепление” (> чув. *-ar* в непервом слоге)» [СИГТЯ, 2006: 216]. Исходная семантика должна быть «укреплённый город», а после возвышения как столицы молодого государства он получил статус «Великого города»: *mün Bülär* (*Мән Пүлер*) «Великий Буляр» [Хакимзянов, 1987а: 44; 1978: 126]. Одновременно территория стольного града стала обще-

народным центром поклонения легендарным предкам и святым биярского целебного родника (*Пүләрти таса җәл*) и горы (*хужҗалар тауы*). В качестве эндоэтнонима, хотя и в качестве народной этимологии, *Bülär* чётко зафиксирован в сочинении арабского путешественника Абу Хамида ал-Гарнати не позднее 1155 г. («А учёный у них называется *балар*, поэтому называли эту страну “Балар”, смысл этого – “учёный человек” и арабизировали это, и стали говорить “Булгар”. Это прочитал я в “Истории Булгара”, переписанной булгарским кадием» [Путешествие, 1971: 31]). Но народ идентифицировал себя эндоэтнонимом *пүлер* задолго до написания этой исторической рукописи. Как сообщает один из авторов историографического обзора И. Зимоны, ещё во времена царствования венгерского князя Такшоня (ок. 955 – ок. 972 г.) переселились в Венгрию «знатные лица из Волжской Булгарии (*de terra Bular*)» Билла и Бакш(у), а также богатырь Хетень. Первым двум знатым персонам князь подарил г. Пешт [История татар, 2006, 2: 32]. О причинах миграции двух важных лиц из *terra Bular* к бывшим соседям-венграм, исторический документ замалчивает. Но степень значимости полученного подарка подсказывает, что данный акт имел, скорее всего, международное политическое значение. Учитывая длительную историю союзнических отношений предков венгров с хазарами, можно допустить, что в этой истории миграции булгар могли быть задействованы как родо-племенные, так и конфессиональные факторы.

В современном булгароведении начинает складываться новое направление, которое активно использует достижения учёных в области теории и методологии науки об этносе. В качестве альтернативной методики изучения средневековых этнических общностей, в том числе и булгарского этноса, казанский исследователь И.Л. Измайлов выдвигает палеоэтнологию, взаимодействующую с этноархеологией. Основой для подобной системной методики является, как полагает учёный, изучение средневековой булгарской ментальности, как источника сведений о ключевых аспектах этнополитической и этноконфессиональной идентификации [История татар, 2006, 2: 631]. Рассматривающие И.Л. Измайловым отдельные стороны менталитета в подобных исследованиях непременно должны быть основополагающими. Не менее важными аспектами являются выявление неизменных поведенческих и коммуникативных моделей этноса, изучение действий психологических защитных механизмов традиционного сознания, обнаружение внутриэтнического конфликта и т. д.

Проблема этнического (традиционного) сознания тесно связана с вопросом этнического бессознательного, психологической характеристикой народа, поэтому она требует использования в научном анализе динамического подхода. Изучение смены главных идеологических доминант этноса в переломные для него периоды позволяет установить

повторяющиеся парадигмы (константы) культуры, а этимологизация этнонимов способствуют реконструкции этнических процессов в регионе.

Парадигматическими формами этнического сознания являются константы, которые неизменны на протяжении всей жизни этноса, а ценностная ориентация может меняться, она является результатом свободного выбора людей. В выборе ценностной ориентации этноса, как полагает С.В. Лурье, большую роль играет внешнее окружение [Лурье, 2004: 603–604]. При этом исследователь обязательно должен отделять истинные ценности от «образа для других», который создаётся с целью коммуникации (например, письменно зафиксированные ответы болгар на вопросы иностранцев-путешественников). По мнению С.В. Лурье, общим принципом исследования этнических констант может являться изучение того, как та или иная ценностная система представлена в сознании народа, адаптирована народом, какой подвергнута корреляции, чтобы стать совместимой с этническими константами данного народа [Лурье, 2004: 604].

Если этнические константы действительно не меняются от начала формирования до полного растворения этноса в новых сообществах, то они в той или иной степени должны отражаться в его эндоэтнониме (прежде всего в семантике). «Именно анализ этнонима и стоящего за ним самоназвания, пишет И.Л. Измайлов, а не бессодержательная лингвистическая эквилибристика названиями или ненаучная попытка объяснить смену этнонима “навязыванием” его этносу извне, даёт исследователю ключ к пониманию последовательной эволюции этноса как его постепенной трансформации или череду “взрывов” этничности, ведущих к коренной их смене и формированию нового этноса» [История татар, 2006, 2: 632].

Жаль, теоретически значимое заключение уважаемого учёного расположено в одном предложении с лишённой своей конкретики и наглядной доказательности критикой, высказанной в адрес коллег из соседнего “цеха”, фактически вольно или невольно компрометирующей их сферу деятельности, в данном случае – диахроническую лингвистическую компаративистику. Между прочим, ориентировка погребальной ямы является, с позиции лингвиста-компаративиста, единственным артефактом, который меньше всего поддаётся субъективному объяснению исследователя. Всё остальное в погребальной камере, из-за фактической разности степени субъективности и преубеждённости интерпретатора, может, по его «хотению», передвигаться, углубляться или же просто исчезать... Эти суждения – сомнения филолога по поводу степени доверия к устаревшим методам работы археологов...

На повестку дня специалистов по фундаментальному изучению истории тюркских этносов необходимо поставить проблему синтеза этноархеологии и диахронической лингвистической компаративисти-

ки. Авторы монографии «Этюды к методологии изучения тюркской палеоистории» считают, что образцом подобного синтеза может стать разработка «методики комплексных археолого-лингвистических исследований, позволяющей скоординировать процедуры лингвокультурологических реконструкций» [Егоров, Туймебаев, 2025: 29].

На наш взгляд, данные анализа динамики семантик экзоэтнонимов и эндоэтнонимов этносов (иногда субэтносов и этнографических групп) тоже необходимо синтезировать с их социально-политическими и другими важными для этногенетических процессов в регионе историями. Только в таком случае исследователь получает возможность реконструкции внутренней и внешней картины мира этноса в их историческом пространстве и динамике.

В работе использованы методы исследования как бы различных направлений гуманитаристики: литературоведческие, фольклористические, этнологические, лингвокультурологические и другие подходы. Преобладает сопоставительный анализ с его нацеленностью на выявление единично-уникального на фоне универсального. С компаративных позиций исторической поэтики, заключает В.И. Тюпа, степень инновационности уникального художественного произведения как исторического события ограничивается его двоякой принадлежностью к процессу исторического движения культуры: а) к определенной национальной традиции; б) к определенной стадии эволюции (прецеденты в параллельно развивающихся исторических общностях). В этих двух положениях видится более общая модель для такой стратегии научного познания, которая заслуживает наименования компаративизма в глубоком и принципиальном методологическом смысле. Этот актуальный и в нашу эпоху компаративизм состоит в пролагании «среднего пути» между полюсами исторической эпистемологии: доктриной событийности (уникальности) и доктриной процессуальности (закономерности) [Тюпа, 2016: 79–80].

В языке подобными полюсами могут быть иные доктрины, например, реконструкция истории слов (одна часть относится к генетически родственному словарному фонду, другая – к заимствованным в разные хронологические периоды из словарных сокровищниц соседей). На основе фонетического облика и смещения семантики лексем, а также ареала их распространения специалисты-этимологи имеют определенную возможность восстановить «историю» не только слов, но и отдельных сторон жизни их носителей, эстетических вкусов, картин мира этноса и его отдельных социальных групп. Этнолингвисты и лингвокультурологи нередко весьма удачно реконструируют историю того или иного мифического персонажа или фольклорного образа. Такими качествами выделяются труды общеизвестных славистов, в том числе и Н.И. Толстой [Толстой, 1995]. Лингвистические факты успешно используют также специалисты по тюркским языкам, например, при реконструкции языко-

вых и этнических картин мира. Здесь особенно выделяются представители московской лингвистической школы тюркологов под руководством академика РАН А.В. Дыбо [Природное, 2008]. По заявленной в названии данной работы проблеме имеет совершенно новые и своеобразные научные гипотезы чувашский этнолингвокультуролог Н.И. Егоров [Егоров, 2017, 1, 2]. В 2025 г. совместно с Ж.К. Туймебаевым он издал монографию «Этюды к методологии изучения тюркской палеоистории» [Егоров, Туймебаев, 2025]. В этом весьма скромно названном научном труде представлены основные аспекты концепции трансдисциплинарной интеграции в тюркологии с акцентом на проблемы реконструкции палеоистории тюркского этнолингвокультурного континуума.

Отдельные аспекты сравнительно-сопоставительного изучения этнокультурного диалога этносов, входящих в Волго-Уральскую историко-этнографическую область (ИЭО) изучены в ряде научных разработок и автора данной работы [Родионов, 2017б]. Проблемы исторической реконструкции в области народной культуры невозможно успешно решить без сравнения исследуемого материала с подобным материалом родственных и соседних этносов, выявления генетических, контактных и типологических сходств и различий.

1. Формирование булгарского этноса: этнические и мифопоэтические своеобразия

Для определения фазы этногенеза огуро-булгарских племён в бассейне р. *Этил* (> *Атйл*, *Итил* «Волга») нам следует вспомнить краткую историю хуннов и гуннов. По авторитетному обобщению Л.Н. Гумилёва, исторический период хуннского этногенеза продолжался 1188 лет (209 до н.э. – 979 г. н.э.). К этому числу учёный прибавляет инкубационный период – около 150 лет – и время существования, которое он метафорически назвал “посмертным” (конец этноса не означает физической гибели его членов, а только распад системы, забвение традиций и возможность для уцелевших особей войти в состав других этносистем) [Гумилёв, 1993: 196]. Здесь речь идет о хуннах, которые не сменили свой первичный этноландшафт. Западные хунны из Центральной Азии в 155–158 гг. достигли берегов Волги, где вошли в контакт с аланами. История хуннов за последующие двести лет совершенно неизвестна. Но сохранились этногенетические предания о происхождении гуннов, которые будто бы являются потомками детей от «колдуний» и мифологических «нечистых духов» [Гумилёв, 1993: 102]. Метизация и новый ландшафт, климат и новое этническое окружение, по мнению Л.Н. Гумилёва, совершенно изменили облик пришлых хуннов (учёными они названы уже гуннами). Хунны и аланы являлись ровесниками по этногенезу, но гунны, по определению автора, имели более высокую пассионарность, по этой причине гунно-аланская война (360–370 гг.) закончилась победой

Содержание

Булгарский этнокультурный дискурс в контексте Волго-Уральской историко-этнографической области (IX–XI века)	3
1. Формирование булгарского этноса: этнические и мифопоэтические своеобразия	8
2. Конфессиональная, языковая и социальная картины мира волжских булгар	22
3. От почитания предков к поклонению святых	39
4. Образы мифологических защитников чувашского народа	48
Список использованной литературы	67

Научное издание

РОДИОНОВ Виталий Григорьевич

ЭТНОС PÜLER: СТАНОВЛЕНИЕ И РАСПАД

Редактор *И.Ю. Кириллова*

Верстка *Н.И. Никифоровой*

Подписано в печать 13.05.2026. Формат 60 x 84 ¹/₁₆.
Гарнитура Times. Уч.-изд. л. 5,0. Тираж 150 экз. Заказ № 6.

Отпечатано в РИО БНУ

«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
428015, ЧР, г. Чебоксары, Московский пр., дом 29, корпус 1